

ГЛАДИАТОРЫ

Матвей вздрогнул и, застонав, медленно сел на своей узкой солдатской койке, утирая выступившую испарину подрагивающей рукой. Ему снова приснился этот страшный сон. Его девчонки, те, кого он любил больше всех на свете, весело махали ему из витринного окна, увидев, как он подъехал к магазину. Они договорились встретиться здесь и, поев мороженого в кафе, отправиться в кино, где шёл очередной полнометражный мультфильм. Вика давно мечтала посмотреть его и прожужжала родителям про него все уши, буквально выдавив из отца обещание сходить в кино. Наташка, и сама любительница мультиков, присоединилась к просьбам дочери, и он сдался.

Едва сумев впихнуть небольшой джип на освободившееся место, он вышел из машины и за витринным стеклом увидел своих девчонок, радостно улыбающихся ему. Потом раздалось странное свистящее шипение, и здание магазина вспухло огромным огненным шаром...

...Девчонки так и остались в его памяти: весёлые, улыбающиеся, ещё не знающие, что это были их последние минуты. Матвея спасло только расстояние и то, что он, отброшенный взрывной волной, оказался зажатым между машин. Пара переломов, опалённые волосы на затылке, несколько ушибов — вот и весь ущерб его организму. Хуже всего было то, что он остался жив, а его девчонки погибли. В госпитале, в срочном порядке развёрнутом в ближайшем пригороде, он молча смотрел в серый брезентовый потолок, пытаясь осмыслить происшедшее и не веря, что их больше нет.

С тех пор он видел этот сон почти каждую ночь. Врач, выписывавший его из госпиталя, только мрачно покачал головой, когда Матвей рассказал ему о своих кошмарах. Подведя его к окну, доктор молча ткнул пальцем в далёкие развалины города:

— Таких, как ты, теперь очень много. Никто толком не знает, кто на нас напал и что это за твари, но все, кто может драться, взяли в руки оружие. Хочешь отомстить за своих — иди и воюй. Ничего другого я тебе в данной ситуации посоветовать не могу. Идёт война на уничтожение, и тот, кто в ней выживет, тот и будет потом оплакивать погибших... Потом... — тихо добавил он, возвращаясь на своё место.

Только теперь Матвей понял, что и у этого странного молчаливого человека тоже кто-то погиб. Вздохнув, Матвей вышел из госпитальной палатки и неожиданно понял, что ему некуда идти. Растерянно оглядевшись, Матвей не выдержал и, не обращая внимания на суетящихся вокруг людей, решительно зашагал в сторону дома.

Его удивило, что в стране, воюющей непонятно с кем, нет регулярных военных патрулей и никто не требует у него документы. Не было даже линии фронта. Осознав это, Матвей потерянно покрутил головой и, решив оставить разрешение всех эти нестыковок тем, кому их положено было решать, зашагал дальше.

Уже в двух кварталах от дома он понял, что всё бесполезно. От длинного двенадцатиэтажного здания остались одни воспоминания. Куча переломанных, перекрученных неведомой силой железобетонных плит, торчащие во все стороны куски арматуры, словно щупальца какого-то мифического зверя, и гарь. Над всем этим кошмаром витал густой, выедающий глаза запах гари. Постояв на обломках собственного дома, Матвей вздохнул и медленно пошёл дальше.

Куда, он и сам не знал. Главное, подальше от всего этого. Очнулся он на окраине города и, осмотревшись, не-

ожиданно понял, что подсознательно двигался в сторону деревни, где летом жила старенькая мать Натальи. Каждое лето он вывозил старушку в деревню и, обеспечив всем необходимым, оставлял там до осени.

Елена Степановна была страстной огородницей и такие поездки в деревню просто обожала. В охрану ей они каждый год оставляли Роя, взрослого ротвейлера, которого сама тёща с огромным удовольствием баловала. Теперь это были последние близкие ему существа на всём белом свете. До деревни он добрался уже ночью.

К удивлению самого Матвея, его никто так и не оставил. Несколько раз пронесившиеся мимо машины, под завязку набитые солдатами, пролетали мимо, но ничего, кроме настороженных мрачных взглядов, Матвей не заметил. Подойдя к знакомому забору уже в темноте, он напряжённо всмотрелся в тёмные окна и, с трудом решившись, толкнул скрипучую калитку. Матвей уже готов был взвыть от отчаяния, когда к нему от крыльца метнулась знакомая тень. Тихо повизгивая, Рой с размаху ткнулся огромной башкой ему в колени и, моментально облизав руки, кинулся обратно к дому. Входная дверь тихо скрипнула, и свет ручного фонарика ударил Матвею в глаза.

— Кто там? — раздался испуганный голос, и через секунду тёща растерянно выдохнула: — Матюша?!

— Я, Елена Степановна, — так же тихо ответил Матвей, подходя к крыльцу.

Заметив его повязки и обгорелые волосы, она в очередной раз охнула и, пропустив зятя в дом, кинулась занавешивать окна. Стеариновая свеча тускло осветила комнату. Медленно опустившись на краешек стула, тёща настороженно посмотрела на него и задала только один вопрос:

— А девочки?

Матвей отрицательно покачал головой. Ему нечего было сказать. Он, молодой, здоровый мужик, остался жив, а они, такие нежные и беззащитные, погибли. Словно понимая, что произошло, Рой положил голову ему на бедро и тихо

заскулил. Судорожно вздохнув, Елена Степановна медленно перекрестилась и беззвучно заплакала...

Ещё через два дня Матвей похоронил её в саду. Гибель дочери и любимой внучки убила и её. Ранним утром Матвей нашёл её мёртвой. Уснув, она тихо ушла. Верный Рой, действительно любивший тещу, весь день просидел у могилы старушки и только вечером, войдя в дом, улёгся у ног Матвея. Опустив голову, Матвей прошептал:

— Вот и всё, дружище. Теперь мы остались только вдвоём.

...Странного человека с рукой на перевязи и собакой на поводке заметил военный патруль. Подкативший БТР медленно остановился, и сидевший на броне капитан громко спросил, перекрикивая рёв мотора:

— Мужик, твоя собака?

— Моя.

— Дрессированный или так, просто породистый?

— А вам-то какая разница?

— Залезайте, на базе объясню, — ответил капитан.

Воспоминания нахлынули с новой силой, и Матвей, не выдержав, тихо застонал. Услышав его, мирно похрапывавший Рой поднялся и, подойдя к кровати, опустил морду на одеяло, всем своим видом выражая сочувствие. Вздохнув, Матвей погладил мягкие висячие уши кобеля и, поднявшись, взял с тумбочки бутылку с водой.

Выйдя из палатки в одних трусах, он в три затяжки выкурил сигарету, пряча огонёк в кулаке, и, поёжившись, негромко сказал подошедшему псу:

— Пойди проветришь.

Кобель старательно вдохнул сырой, промозглый воздух и возмущённо покосился на Матвея. Умная физиономия пса как бы говорила: «Ты чё, мужик, совсем сблындил, в такую погоду мне проветриться предлагаешь?»

Чуть усмехнувшись, Матвей прикурил от окурка вторую сигарету и, медленно выкулив её почти до самого конца, вернулся в палатку.

Гусеничный вездеход вылетел из-за поворота на стоянку у разрушенного гипермаркета и, лязгая траками, помчался к перекрученным металлическим конструкциям, оставшимся от некогда роскошного магазина. Круто развернувшись на мокром асфальте, машина остановилась, и из распахнувшегося десантного люка не спеша выбрался мощный, чёрного окраса кобель с тёмно-коричневыми подпалинами. Настороженно принюхавшись к сырому воздуху, пёс обошёл распахнутую дверцу люка и, задрав лапу, недолго думая, оросил гусеницу вездехода. Следом за собакой из десантного отсека вышел худощавый мужчина среднего роста, в камуфляже и с автоматом на плече. Внимательно понаблюдав за собакой, он заглянул в машину и негромко сказал:

— Порядок, пока всё чисто. Рой никогда не ошибается.

— Чего бы он понимал, твой кобель, — послышался недовольный голос, и из проёма показалась фигура второго бойца.

Словно в ответ на его слова огромный пёс ловко проскользнул под дверцей и, моментально оказавшись перед говорившим, встал, настороженно глядя ему в глаза. Широкий нос собаки сморщился, и среди чёрных бархатных губ жемчужно засветились белоснежные клыки. Тишина стоянки огласилась басовитым рычанием, и говоривший попятился назад. Звонко клацнул передёрнутый затвор, но проводник, не повышая голоса, произнёс:

— Только попробуй. Я тебя прям в десанте положу. Ещё раз вякнешь чего без спроса, отправишься под трибунал.

— Что, за собаку человека пристрелишь? — с тихой ненавистью спросил разговорчивый.

— И даже спать спокойно буду. На сегодняшний день каждый из этих псов дороже трёх таких козлов, как ты! — огрызнулся проводник.

— Ладно, придёт время, сочтёмся, — пообещал патрульный, не сводя с кобеля ненавидящий взгляд.

С лёгкой усмешкой глядя на эту картину, проводник ловко щёлкнул пальцами, привлекая внимание собаки, и, шагнув в сторону, левой рукой хлопнул себя по бедру. Презрительно фыркнув, пёс развернулся и не спеша направился к человеку. К своему человеку. Именно так он воспринимал проводника, при этом регулярно испытывая его на прочность. Вот уже восемь лет они жили бок о бок, и каждый месяц Рой находил момент, когда команды проводника благополучно игнорировались, а все, оказавшиеся в пределах досягаемости, были построены ровными рядами. Но вот уже три года, с тех пор, как на Землю обрушилась военная мощь неизвестной цивилизации, все эти выходы прекратились. Теперь им обоим было не до таких мелочей.

Нападение было совершено внезапно, и большая часть крупных городов сразу оказалась разрушенной. Ксеносы, как прозвали нападавших, не собирались использовать блага человеческой цивилизации, старательно уничтожая всё, что мешало их каким-то непонятным планам. Никто так толком и не понял, откуда взялось это название, но оно прижилось, и теперь везде, даже в официальных отчётах, гуманоидов называли именно так. К удивлению военных, лучше всех находили ксеносов не радары и сканеры, а собаки. Но и тут всё оказалось не так просто. Учёные — биологи, кинологи и все остальные — себе мозги набок свернули, пытаясь понять, почему присутствие не видимых ни в каких лучах врагов собаки не всех пород обнаруживали одинаково легко. Служебные, охотничьи и так называемые бойцовые породы запросто могли почуять противника, где бы он ни прятался. Все остальные породы — или не замечали, или просто боялись его. Даже дворняжки, об уме и сообразительности которых давно уже ходили легенды, пасовали перед амуницией пришельцев, теряясь или просто убегая от опасности. Совсем иначе вели себя служаки, охотники и бойцы. Эти ребятки почему-то изначально восприняли ксеносов как врагов и старательно выискивали их,

с каждым контактом умудряясь вырабатывать собственную манеру обнаружения и боя.

Биологи старательно списывали всё на ген свирепости, по сути просто расписываясь в собственной глупости, но опытные проводники придерживались другого мнения. По их мнению, эти породы изначально были предназначены для серьёзной службы и теперь просто реализовывали своё предназначение по полной программе. Военные быстро организовали спецотряд под названием СКС — Специальная кинологическая служба, в простонародье названная «Гладиаторы».

Прозвище спецотряда «смертники» не прижилось. Проводники — ребята непростые. Воспитывать собак серьёзных пород — это не в парке прогуляться. И посему любое подобное высказывание заканчивалось серьёзным мордобоем. С тех пор название «Гладиаторы» прочно закрепилось за отрядом. К удивлению самих проводников, боевые псы, даже оказавшись в одном отсеке машины, вели себя вполне спокойно, словно заключив негласное мирное соглашение. Но в обычный патруль отправлялись только одна собака и отделение из пяти человек. И вот теперь ротвейлер по кличке Рой, отойдя от машины, старательно принюхивался к сырому осеннему воздуху. Внимательно наблюдая за собакой, проводник удовлетворённо кивнул и, поправив ремень автомата, решительно шагнул к развалинам. Но, к его удивлению, пёс развернулся и не спеша зашлёпал по лужам в сторону обгорелого остова грузовика.

— Пёс, ты куда направился? Твари обычно в развалинах прячутся, — негромко окликнул его проводник.

Остановившись, Рой медленно оглянулся через плечо, и проводник ясно прочёл на выразительной, давно уже знакомой до последней шерстинки морде: «Поучи свою бабу щи варить. Понимал бы чего...»

Поперхнувшись от неожиданности, проводник смущённо пожал плечами и покорно отправился следом за собакой. В патруле главным был именно пёс, ведь ни одна хвалёная

современная техника не могла справиться с маскировкой ксеносов. Оставалось полагаться только на нюх, сообразительность и опыт собак.

Медленно обходя останки грузовика по кругу, Рой то и дело помечал территорию, словно сапёр, оставляющий за собой флажки на минном поле при проведении разминирования. Заметив едва отличимые непривычному взгляду признаки настороженности собаки, проводник перевёл автомат в положение готовности к стрельбе и, остановившись, внимательно осмотрелся. Но как ни готовился он к контакту, как ни вопила вся его подкорка о близкой опасности, момент броска Роя он всё-таки пропустил. Опытный боец, только что небрежно обнюхивавший сторевшее колесо, вдруг моментально напрягся и одним мощным рывком ринулся в атаку. Глухое рычание и пронзительный свист ксеноса слились в сплошную какофонию, а у патрульных сложилось впечатление, что крупный пёс просто висит, вцепившись огромными клыками в сырой, промозглый воздух. Раздались едва слышный треск и змеиное шипение неземного оружия. Ксенос выстрелил, пытаясь избавиться от повисшего на нём кобеля. Асфальт, куда ударил луч из оружия противника, вздыбился и пошёл трещинами. Потом воздух под псом замерцал, и на мокром асфальте обозначились контуры противника. К огромному удовлетворению всех сил сопротивления, любое нарушение целостности костюма ксеноса приводило его к выходу из строя. Учёные и спецслужбы мечтали заполучить в руки хоть один исправный костюм, чтобы подвергнуть его тщательному изучению, но пока каждый контакт с гуманоидами заканчивался чьей-то смертью. Сами патрульные сразу отказались рисковать жизнями своих подопечных, ведь от собак напрямую зависели и их жизни.

Привычно смещаясь из стороны в сторону, кинолог выбирал подходящую точку для стрельбы. Неожиданно рычание и свист перекрыло басовитое рывканье автомата, и проводник испуганно ахнул. Тренированное ухо патруль-

ного ясно расслышало болезненный взвизг кобеля. Недолго думая, он всадил короткую очередь в середину мерцающего контура и, перебросив автомат за спину, бросился к собаке. Почувствовав, что противник мёртв, пёс медленно разжал клыки и, пошатываясь, отступил в сторону. Медленно, со стоном, сильный кобель опустил на асфальт и, несколько раз кашлянув, повалился на бок. Упав на колени, проводник быстро осмотрел окровавленный бок своего питомца и, судорожно вздохнув, прошептал:

— Потерпи, Ройка. Сейчас тебя на базу отвезём.

Грустный карий глаз скосился на человека, и пёс чуть слышно заскулил, словно спрашивая: «За что?»

Мощные лапы несколько раз вздрогнули, и легенды отряда гладиаторов не стало. Три пули из выпущенных пяти проббили грудь собаки. Язык и слюна были окрашены кровью, что означало простреленное лёгкое, и только огромная сила и неукротимый характер бойца помогли ему довести схватку до конца. Он выполнил свою задачу и умер от пуль мелочного, трусливого предателя.

Подняв тело собаки на руки, проводник уложил его в десантный отсек и, оглянувшись, взглядом нашёл того, кто осмелился, в нарушение всех приказов и инструкций, стрелять раньше кинолога. Человек, которого Рой успел перед боем напугать до мокрых подштанников, с презрительной усмешкой смотрел на медленно катящиеся по щекам проводника слёзы.

— Зачем? — срывающимся голосом спросил кинолог.

— Я же сказал: сочтёмся, — ещё шире усмехнулся стрелок, не опуская автомата.

Сделав вид, что всё понял и не собирается бросаться на автомат, проводник медленно отвернулся, незаметно передвигая ножны с десантным кинжалом. Сидевшие на броне так и не поняли, когда он успел выхватить кинжал и в развороте метнуть его в грудь убийце. Увидев, что проводник отвернулся, подлец с довольным видом сдвинул автомат за спину, решив, что кинолог смирился и не посмеет поднять